

СВЕТ СТОЛИЦЫ

литературно-
художественный
журнал

11 / 2020

2020

УДК 882
ББК 84(2Рос)

Учредитель:
ООО «ИПО «У Никитских ворот»

Издатель:
АНО «Редакция альманаха «Академия поэзии»

*Журнал издаётся при информационной поддержке
«Литературной газеты»*

Главный редактор:
Максим Замшев

Руководитель проекта:
Екатерина Цыганкова

Корректор:
Любовь Ремова

Дизайн-макет, оформление обложки:
Полина Адамова

Компьютерная вёрстка:
Алина Симонова

Адрес редакции:
121069, Москва, ул. Большая
Никитская, 50а/5 стр. 1, к. 36.
Тел.: 8 (495) 690-50-72, 691-63-36
E-mail: асpoetry@mail.ru

Тираж 1000 экз.

© Академия поэзии, 2020
© Издательство «У Никитских ворот», 2020
© Коллектив авторов, 2020

ISBN 978-5-00170-220-7

9 785001 702207 >

ТЕМА НОМЕРА:

«140 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.А. БЛОКА»

1

ПОЭЗИЯ

АНТОНИНА БЕЛОВА

* * *

Я пришла к поэту в гости.

А. Ахматова

Я пришла к поэту в гости
в дальней юности в именье,
в дол, где Шахматово было,
где ни дома и ни сада,
только ветер вольный веял
по холмам да помнил тополь
серебристый, давший поросль,
о былом, о днях поэта.
И валун огромный тёмный
на своём немом наречье
молвил громко о далёкой
жизни, что текла здесь прежде...

Я пришла к поэту в гости
в дом высокий над Невою –

Белова Антонина Васильевна – филолог-русист, стихи пишет с детства, автор восьми поэтических книг, олимпийский победитель, призёр и лауреат многих поэтических турниров и фестивалей. Кандидат филологических наук, доцент, член Союза писателей России.

имя Пушкинского Дома*
он до сей поры и носит –
там в обычном кабинете
до поры хранилась память:
все автографы, игрушки,
книги, милые предметы,
те, что трогал он руками...
Долго-долго я вбирала
эту жизнь душой и сердцем –
этот дом «в часы заката»...

Я пришла к поэту в гости
в день особый, в воскресенье,
в храм Казанский – тихо свечи
трепетали, пенье хора
так ласкало светом душу,
голос тонкий трогал купол
и стремился дальше к небу,
и я верила, что Богом
прощены грехи поэта.
Солнце запад целовало,
и фонтан смеялся рядом,
Невский жил своею жизнью...

Я пришла к поэту в гости
в ту квартиру, что на Пряжке,
где «хозяин молчаливый»
посмотрел на Анну ясно.
Много раз я здесь бывала,
постигая постепенно,
с чем душа его боролась
в роковое время бури,
когда голод, кровь и распри
раздирали всю державу.
Он и сам явился жертвой
грозных лет – жестоких, страшных...

* Стихотворение А. Блока «Пушкинскому Дому».

Я пришла к поэту в гости
через много лет в имение –
дом возрос, и сад зелёный
шелестел, и, как когда-то,
август яблоком весёлым
угощал гостей сердечно.
Я пришла сюда на праздник
в день, что памятен в России, –
в день конца пути поэта.
И звучало его слово,
и летело через дали
птицей сильною крылатой.

Я пришла к поэту в гости
и в последнюю обитель*,
в тот приют и к той ограде,
что надёжно охраняет
от земных свирепых вихрей
прах торжественный поэта.
Луч заката трогал тихо
профиль дантовский печальный,
и казалось, муза тайно
этот сон оберегает.
День октябрьский был прохладен,
небеса сияли светом...

Я приду, Бог даст, к поэту
в даль нездешнюю, иную,
там, где вечность дней не знает.
Что скажу? И что увижу?
Эта тайна не открыта,
остаётся только верить,
слово молвить на молитве
о живой душе поэта.
Верить: в слове, даре Божьем,
он пророс сквозь страсти жизни,
напитав стихи любовью, –
как пророк, возвысил души...

2 ноября 2020

* Литераторские мостки.

ВИЛЕН ИВАНОВ

Из цикла «Социологическая рефлексия»

Читая Омара Хайяма

Много зла и коварства таится кругом.

Омар Хайям

Омар Хайям. XII век.
И ничего с тех пор не изменилось:
Всё так же слаб и злобен человек
И так же выборочна Божья Милость.

* * *

Найти смысл жизни – вечной иль не вечной –
Заманчиво. На жизненном пути
Искать его мы можем бесконечно,
Настойчиво искать и не найти.

Иванов Вилен Николаевич – советник РАН, член-корр. РАН, д. ф. н., профессор, член Союза писателей России. Автор более 500 научных и литературных публикаций (книг, брошюр, статей, сборников стихов). Имеет государственные и общественные награды. Лауреат научных и литературных премий. Почётный член Российского общества социологов (РОС). Почётный доктор наук Института социологии РАН. Почётный член Военно-научного общества при Центральном доме Российской Армии им. М.В. Фрунзе. Почётный гражданин г. Минниаполиса (США). Полковник в отставке.

* * *

Человек одинок потому,
Что о грешном себе никому
Рассказать полной правды не может,
И его это очень тревожит,
Человек одинок потому...

* * *

Как Бог и мы сегодня связаны,
Кто это может объяснить?

* * *

В детстве веришь: счастье впереди,
Встречи с ним с надеждой ожидаешь,
Думаешь о нём, о нём мечтаешь,
Пусть не скоро, но его найдёшь,
И совсем, увы, не замечаешь
То, что счастье – в дне, в котором ты живёшь.

* * *

Вопрос я слышу иногда:
Возможно ль быть святым,
Когда вокруг всё грешно?
И отвечаю: без сомненья «да».
И добавляю, тоже без сомненья,
Что «да» – в порядке исключенья.

* * *

Итожа сотворённое двадцатым веком,
Приходит мысль, крамольная вполне:
Устал ли человек быть человеком,
Как устают солдаты на войне.

ТАТЬЯНА ЛЕТНЕВА

~~~~~

Татьяна Летнева (Абрамова Татьяна Александровна) — поэт, член Московской городской организации Союза писателей России, Московского Литературного фонда, члена Клуба писателей ЦДЛ, действительный член Академии российской литературы, член Союза писателей Северной Америки, постоянный автор сетевой литературы, участник литобъединений и проектов, литературных студий.

Татьяна Летнева — автор книг «Прикосновение к сказке», «Такое трудное понятие Любовь...», «Я птица, песня, звезда и вечность...», «Куликовы были», «Многообразие любви...», «Метаморфозы нежности», «Перекрёсток душ и тел», «Неиспитое вино», «Ночью все кошки черны». Продолжает работать в жанре переплетений рифмованной и нерифмованной поэзии, стихотворений в прозе.

За книгу «Многообразие любви» (М., «Академия», 2012) получила звание лауреата конкурса «Лучшая книга 2011—2013» с вручением медали им. А.П. Чехова.

За книгу «Метаморфозы нежности» (М., «Академия», 2014) автор награждён нагрудным знаком «Серебряный крест».

За книгу «Прикосновение к сказке» (М., МГО СП России, НП «Литературная республика», 2016) Татьяна Летнева получила отличительный знак «Заслуженный писатель».

На её стихи написано 25 песен композитором Александром Севериловым, которые исполняются солисткой Natali Queen (Натальей Королевой).

Издан аудиодиск «Избранная лирика» к книге «Перекрёсток душ и тел». Это литературно-музыкальная композиция чередующегося мужского и женского чтения любовной лирики в исполнении самого автора, поэта Татьяны Летневой, и барда, актёра Владимира Мирзы.

Не принимая отдаленья...

О, как жестоко расстаянье...
Куда девалась эйфория чувств?
Что одарила вмиг признаньем,
Оставив пересчёт безумств.

И плачет сердце в энный раз,
Не принимая отдаленья,
Приблизив хладнокровия экстаз
И ревность – повод для продленья.

Не бойся потеряться вдруг в толпе,
Когда без объяснения бросают,
Слова сомнений мчатся налегке,
Поскольку отчуждением играют...

* * *

Не бойся отпустить, когда молчат,
И, что насильно мил не будешь,
Беззвучно мысли тихо говорят:
Влюблённость силой не разбудишь.

Предписан свыше и не выдуман роман.
Беречь ли приближения случайность?
Ужели притяжение – пустой обман?
Душа – мишень. Свобода – горечь, данность.

Что доказательства, что злиться?
Страницы прилетят, как птицы,
К тебе – восторженным мгновеньем,
Биеньем сердца, чистотою мненья.

* * *

Молчи, таись, мечтай, не мучай...
В себе припрячь на всякий случай
Голубку, горлицу души родной,
Границей преклоненья – не чужой!

Не торопись так суетливо...
Что? Сильно тянет страсть к разрывам?
Нить постоянства явно тяготит?
Тебя я отпускаю без обид...

Канатом не привяжешь чувства,
Которых не было вообще?!
И тяга к одиночеству – как бегство,
Дистанция – барьером в тишине.

* * *

Да, в дни сомнений и неволи
Я улетаю в синие моря
И поцелуями с ладони
Назад листаю дни календаря...

Тебя освобождаю с грустью,
Зачем неволить птицу бытия,
Жизнь приморозила не чувства,
Но разумом сказала: всё же зря...

И тело выпито помехами утех,
Желанием без слов, без пут, что грех?
Зачем пытаться себя твоею сутью,
Когда мужское тело – перепутье.

* * *

И силой к стенке не прижать,
В тебе теряться глубже сути,
Но по пути и в поиске шептать:
Так поступают только люди.

В закрытости легко так лгать,
Меняя платья, обретая чувства,
И в тайне от себя познать
Способность тонкого искусства...

Мне говорят: бороться надо,
А я устала от борьбы...
Хочу, чтобы любили безоглядно,
Не просто кто-то... только ты...

О. Крюкова, Е. Наумов

Память

*Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно всё это!..*

А. Блок

В 2020 году мы отмечаем 140 лет со дня рождения выдающегося поэта Серебряного века Александра Блока. Он поклонялся Прекрасной Даме, срывал маски со страшного лика Города, любил Россию особой, трепетной любовью, верил в её высокое предназначение и был заморожен яростной музыкой Революции. Поэт прожил недолгую, но полную энергии творческого поэтического обаяния жизнь. «Имя твоё – птица в руке», – скажет о нём Марина Цветаева

ва. «Блоку верьте, это настоящий – волею божией – поэт и человек бесстрашной искренности», – добавит Максим Горький. Подражать Блоку не просто трудно – невозможно, да и не нужно. Однако творческое влияние Блока на начинающего поэта совсем другого поколения вызывает искренний интерес и эмпатию.

Поэтому очень приятно представить читающей публике творчество 17-летнего поэта Данилы Малицкого, активного члена Детского литературного объединения «РОДНИЧОК», созданного по инициативе и под руководством баснописца Баяна Баянова (Евгения Артуровича Наумова), действительного члена Российской академии естественных наук, члена Московского отделения Союза писателей России, члена Московского союза художников, автора современных стихов, басен и песен, 75-летний юбилей которого мы отмечаем в этом году.

Стихи Данилы подкупают своей философической лиричностью, несмотря на весьма современную форму и социально-критическое содержание. Воздействие поэзии Блока проявляется в его стихах в стремлении соединить несоединимое на краю экзистенциальной бездны. Данила даже в чём-то внешне похож на юного Блока, что отражается во взгляде и в выражении лица. Но всё-таки главное – не внешнее, а внутреннее сходство и высокая поэтическая планка, заданная Блоком, который написал свои первые стихи ещё до гимназии, а в 14 лет издавал рукописный журнал «Вестник», в 17 лет ставил пьесы на сцене домашнего театра и играл в них, что ко многому обязывает. Хочется пожелать начинающему поэту творческих успехов, успешного самоопределения и в волшебном мире поэзии, и в мире как таковом.

О.С. Крюкова,

*доктор филологических наук, завкафедрой
словесных искусств факультета искусств МГУ
имени М.В. Ломоносова, член МГО Союза писателей России*

Е.А. Наумов,

*действительный член Российской академии
естественных наук, профессор,
член МГО Союза писателей России*

ДАНИЛА МАЛИЦКИЙ

*Мы несём свой порядок,
Скажу напоследок я вам,
Господа офицеры.
Покуда горит в нас огонь
Нашей правды и веры,
То грусть и тоска – это вам не химеры.*

Память

Когда на душе моей грусть и тоска,
Память вечна на все времена.
Запомни, глупец, где отвага и честь,
Там часто отчаяние, горе и месть.

Зрелый отец – инфантильный ребёнок,
А отрок – закрытый мудрец и философ.
Оккультизм и обряды – это мутации,
Посты и наряды, одна агитация.

Малицкий Данила Кимович родился 02 августа 2003 г. в Москве. В настоящее время учится в 11 б классе школе № 1413 г. Москвы. Данила Малицкий - активный член Детского литературного объединения «РОДНИЧОК».

Где ж ваша честь,
Когда спросят за месть?
Отвага из сердца ушла, и, поверьте,
Отчаяние – лишь порождение смерти.
Круг Колизея, насилие в сердцах,
Максимализм – это ультра,
Пишут нам на стенах.
А вами движет лишь страх,
Танцуй на костях!

Пепельным снегом накрыта мечта.
Креститесь, защищая себя перед расстрелом,
Как мусор, забудут всех вас у лифтá,
Где старый художник не видит холста.

Мы травим больных, странных и не таких,
Не прячем глаза, замечая убийство.
Не слышим любимых и близких, родных,
Рождённые тьмой, преемники мы нигилистов.

Мы несём свой порядок,
Скажу напоследок я вам,
Господа офицеры.
Покуда, горит в нас огонь
Нашей правды и веры,
То грусть и тоска – это вам не химеры.

Пусть вечная память на все времена.
Запомни, глупец, где отвага и честь,
Там часто бывают отчаяние и месть.

Разлука

Страх, горечь, гнев
Окутали меня.
На сердце поселилась пустота,
И время ускользает от меня.

Иду я сквозь пустыни разочарования,
Переплываю я моря отчаяния.
Упасть с утёса страсти вниз,
Хочу разбиться я о камни мироздания.

И от печали вспыхнул мой очаг раскаянья,
А буря боли – в сострадании.
Я рому чашу в честь свою испью до дна
И утону в болоте страсти в поиске желанья.
В холодной глыбе льда лежит мой дух.
И демон крови впредь не жаждет.
Но я найду, как жить мне дальше,
Покуда не утихнет сердца стук.

Странствующий лучник

Странствующий лучник
В лунную ночь
Наткнулся на хижину,
Средь здешних красот.

Он в дверь постучал,
И старушка открыла.
«Входи, молодец,
Я тебя не забыла».

Вошел лучник наш на порог.
Свет мягкий в том доме
Легонько окутал его.
Без лишних забот и хлопот,
Он присел у стола,
Такие вот, братцы, настали дела.

Старушка ему рис и саке
Подала ко столу.
«Извольте поесть», –

Сказала мило ему.
И выпил, и сытно поел
Наш герой.
От войн и от битв
Отдохнуть ведь пришёл он домой.

«Скажи нам, что видел
Ты, лучник, герой.
И часто ли нас
Вспоминал ты порой?»

И лучник напрягся,
Саке отложил,
Былое вдруг вспомнил,
Поведать решил.

– Я многое видел,
Но дух мой устал.
Я рад, что в спокойствии
Дом ваш застал.

Старушка слегка улыбнулась ему.
– Очисти свой разум
И дух успокоить ты свой не забудь.
И только тогда
Отправляйся в свой путь.

Герой наш поднялся,
В дорогу собрался,
И вышел из дома бедняга-пиит,
Где в сумерках свет уж давно не горит.

Средь здешних красот
И заснеженных скал
Наш дом постарел
И совсем исхудал,
Окно покосилось,

Крыльцо обветшало,
Труба обвалилась,
И дома не стало.

И как бы ты ни был
В сражениях хорош,
Запомни урок:
Потребность убить человека – порок.

Ушёл лучник наш.
Его разум разрушен навеки.
Ведь если дома нет, то нет человека.
Всё это печально, друзья, я не скрою.
Нет больше дома у нашего чудо-героя.

Оранжевый свет

Маленький мальчик
На поляне открытой
Играл с ветерком,
Что колышет траву.

Оранжевый свет
Так прекрасен и мил.
Он мальчику радость даёт,
Прилив сил.

Старое дерево оббежал мальчик дважды.
Шёпот времён он услышал тогда же.
Оранжевый свет стал ярче сиять.
Мальчик домой побежал: время спать.

Казалось бы,
Солнце давно потускнело
И не должен ведь снег
Идти в середине апреля.

Оранжевый свет
В сумраке тёмной поляны.
В доме кричат
Из яркого пламени.
Скажу вам на милость:
Жесткость сгубила миллиарды сердец,
Но лишь единицам она
Даровала могущество, силу.

А суть истории проста.
И даже в самый добрый вечер
Вашего, друга, существования
Никто не защищён от боли и страдания.

Ваш мир перевернётся
С головы до ног,
Если судьба решит,
Что вы заслужили жестокий урок.

Москва, 2020

Одиночество

С душою чистой
Я к людям иду,
Без мыслей пустых
Любить их хочу.

Но не нашел я сострадания –
И пыл мой угас,
Душа почернела,
И мрачной печалью она налилась.

Вот вижу я свет, и к нему я иду,
Людей за собою в дорогу веду,
Всех тех, кто так любит меня,

Но бесы сомненья терзают меня,
Всю ночь, и день ото дня, и день ото дня.

Свет солнца погас,
И вокруг черный мрак,
На космос взглянул –
Обратился он в прах.

И каждую ночь я страдаю,
Безумной агрессией боль унимаю.
Но кто же поможет прогнать этих бесов?
Ведь я же один, во главе этой пьесы!

ВАСИЛИЙ МУРЗИН

* * *

Лет сорок пять
Тому назад
С землёй
Сровняли пять
Дворов деревни нашей:
Деревню город слопал.
И нет завалинок, печей,
Заборов, валенок, ничейные
Тополь и берёза.
И время здесь теперь сверяют
Не по петухам. Морозы
Путают следы людей,
Чтобы тополь и берёза

Мурзин Василий Сергеевич – постоянный автор «Литературной газеты». Победитель конкурса «Поэзия 2018–2019» Московской городской организации Союза писателей России. Автор коллективных сборников МГО СПР. Опубликован в приложении участников конкурса «От Москвы до самых до окраин» журнала «Москва» (2020), в журнале «Вторник». Номинирован на премию VII Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков (2019).

Росли наперекор судьбе,
Наперекор самим себе,
Как будто из стихов
Выходит проза.

* * *

About fifty years
ago
Five houses in our village
Were raised just
to the ground.
The city our place devoured.
There are no stoves and no fence
No huts and in defense
Nobody's poplar and a birch
you'll search.
And time is reckoned not
by cocks, and frosts
Will hide and mix your trail
again.
So let the poplar and the birch
still grow in spite of poor lot,
In spite of their own growth
and thus remain,
as if of strain
You will exert the prose.

* * *

Когда расцветает сакура
И пашня дышит, как хлеб,
И ворон радостно каркает,
Бежать от субботников мне б.
Бежать вдоль пятиэтажек
К дому, которого нет,

Но где пробьётся отважно
Память сквозь толщу лет
И крутится, как будто бы оттаяв,
Пластинка мамина дома.

* * *

When time comes to bloom for cherry,
And ploughed land breathes like bread,
And raven is croaking merry,
Unpaid work I'd happily end.
By running away down the street
To the house that doesn't exist,
But to where memory would
Filter through years like it should.
And the old disc as if in a thaw
Would spin up to May and some more

СЕРГЕЙ ЧЕРНОГЛАЗКИН

Политехнический, 1918

Пока, опившаяся зелья,
Стонала Русская земля –
В Политехническом музее
Ей выбирали короля.
Не для политики суровой,
Не шахмат мира и войны –
О нет! – для королевства Слова,
Рифм упоительной страны.
И в это время непростое,
Совсем не дам и королей, –
Подобьем чумного застолья
Гремел ристалищем музеей.
А где-то в снежном Петрограде
Ещё мечтал, ещё пылал
Тот, кто отсутствовал в параде,
Не зван на игры в идеал.
Не потому, что был непонят,
Или забыт, или далёк, –

Черноглазкин Сергей Юрьевич родился в 1964 году, проживает в городе Москве. Автор книг стихов и других публикаций. Лауреат и финалист ряда литературных конкурсов. Член Российского союза писателей.

А просто – слишком уж огромен,
Поэтам – не король, а бог!
Не выбран и не избираем –
Что избирать? – Всё ясно так! –
Поэт, идущий в область рая,
Держа революционный шаг,
Спешащий за Христом надвьюжным
Из гибельных времён и мест,
Один – для выбора ненужный,
Поэзии российской Зевс.

Подражайте

Говорят: «Не подражайте!» –
Отчего же, почему?
Подражайте, не лажайте –
Только знайте лишь, кому.
Подражайте, скажем, Блоку,
Подражайте, там, К.Р. –
И получится неплохо,
Если примете в пример.
Подражайте акмеистам
В непридуманых стихах,
Бобу Дилану, солисту –
По-английски или так.
Повторенье – мать ученья,
Всё – такое, как всегда:
День осенний, день весенний.
Может – «нет», а может – «да».

Шоссе

Февраль. Достать чернил...
Печаль
во всей красе, ещё –
во всей природе...
Чужие строки так перебирать –

и вот когда горчайшее приходит...
Всё – не твоё, не то, ни то ни сё...
Хотя б умей подстраиваться лучше –
лавировать «Трабантом» на шоссе
среди огромных внедорожных чушек.
Серебряный, как ни крутите, век –
нам всем – домашний адрес, первый камень
краеугольный – тот, что мы затем
своими раскрошим стихами –
движеньями трабантовых колёс –
сюда, сюда – в Нейзильбер, в двадцать первый,
быть или не быть – нисколько не вопрос –
ну в смысле – мчаться в прямоту шедевров...
Алмаз – графит и химия души –
закон – не Менделеева, а Блока –
разгонится «Трабант», и всё – пиши
пропало – лишь сверкнёт лучистым боком,
умчится – и давай мелькать слова
лесами и селеньями на трассе...
Достать чернил...

Не упустить февраль
во всей красе. Долг платежом опасен.

2

проза

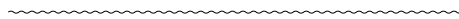
КАРИНА КОКРЭЛЛ-ФЕРЕ

Держать спину

Раз они живут в вашей памяти, значит, не умерли... Люди не знают этой тайны, они вообще мало что знают.

Метерлинк «Синяя птица»

Восемнадцать лет назад, в первые дни марта, муж приготовил мне сюрприз на день рождения. Он не сказал, куда мы едем, дал только почтовый код для навигатора.

Карина Кокрэлл-Фере родилась в СССР, окончила с отличием Воронежский педагогический институт, факультет филологии, и аспирантуру университета Гринвича (Лондон).

Преподаватель информатики, писатель, журналист, популярный блогер, автор двух сборников исторических новелл: «Легенды и мифы мировой истории» и «Мировая история в легендах и мифах» (АСТ-Астрель), изданных в Санкт-Петербурге в 2011 году.

В этом году Карина завершает работу над своим первым романом на английском языке — *Stalin's Children* (авторский перевод на русский язык называется «Странная история Луши Речной»).

В Лондоне этой весной планируется к постановке дебютная пьеса Карины «Русская невеста в коттедже “Соловей”» (на английском языке) по мотивам рассказа Агаты Кристи.

Карина Кокрэлл-Фере живёт недалеко от Кембриджа, в старом английском доме, и её увлечениями являются фехтование на рапирах, изучение языков и постижение уроков истории.

Мы долго ехали по гэмпширским полям – над свежей пашней носились чёрные птицы, – пока за поворотом дороги не показались шахматные башни викторианского замка, совсем как у Генри Джеймса в «Повороте винта»...

Внутри ассоциация только усилилась. Дубовые панели спальни, закопчённый камин, породистая английская обшарпанность мебели, тудоровская кровать под балдахином.

Ночью не хотелось гасить свет, не отпускала тревога. Странно. Обычно я прекрасно чувствую себя в любых старинных домах или отелях.

В два часа ночи меня разбудило странное. Ночник стал ритмично включаться и выключаться. Сам собой. Опять и опять. Словно кто-то посылал световую морзянку. Не бывает такого с британским электричеством, особенно в безветрие.

С ужасом выдернула штепсель и замерла в темноте, ожидая появления чего угодно...

И почти одновременно осветился и завибрировал мой мобильный телефон. Звонила мама:

– Карина, бабушка только что умерла...

Родилась в марте и умерла в марте... Моя Клавдия внешне резко отличалась от всех своих сестёр, моих двоюродных бабушек. Она напоминала императора Клавдия.

В Грузии с ней все говорили по-грузински. Я слышала. А с ними по-грузински – никогда. Она любила море, жару, пряности, царицу Тамару, обожала Лермонтова и помнила очень многое наизусть:

*Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь.*

Как умела она произнести это, выдержав точную паузу, опасно повисшее над бездонной пропастью, готовое рухнуть «...был монастырь»!

В нашем обыденном мирке загнившего и подёрнувшегося ряской «светлого будущего» бабушка всегда верила, что всё у нас

будет иначе. И стала меня готовить к этому непонятному «иначе», видимому только ей одной)). Она привнесла в нормальную, равнинную, равноудаленную от всех морей семью моих прадедов это бешенство, эту лермонтовщину, эту нездешность, это полное неумение отличать реальность от вымысла. И дочь её уехала навсегда в обожаемую ею Грузию и вышла замуж за моряка. А внучек и правнучек её занесло ещё дальше за горизонт...

Ее считали сумасшедшей.

Она не раздумывая тратила сбережение, равное месячной пенсии, на страшно дорогие масляные краски и мольберт для меня, произнеся безапелляционно, как врач диагноз: «Ребёнка нужно учить живописи! У неё художественные бугры на голове. Она художник».

А я очень любила принимать точные, совершенно реалистические позы перед мольбертом, но дальше поз дело не шло.

«Художественные бугры» если и имели место, то функций своих не выполняли совершенно: я не могла нарисовать не то что вазу с астрами, но и достаточно аккуратной линии. К тому же частный учитель смешно шепелявил и навсегда поделом возненавидел меня за то, что я, попугай несчастный, очень похоже его передразнила, думая, что он не слышит.

В общем, художника из меня не вышло.

Потом бабушка отдала меня на балет, за 8 рублей в неделю (немалые для неё деньги).

В закрытой на лето районной школе нас учил старый, обиженный педагог (его изгнали на пенсию из хореографического училища, а дома у него были ужасные соседи по коммуналке и старый кот, которого он иногда тайком приносил на уроки в клеёнчатой сумке). Педагог этот всё время кричал, словно с кем-то продолжая давнюю ссору, потрясающие, диковинные слова: батман тандю! гран батман! плие, плие!

А когда бабушка приходила меня забирать, целовал бабушке руку, что она, приосанившись, принимала абсолютно как должное. Мира, о котором и они-то уже помнили смутно, мне уже и кусочка не досталось, да и не очень-то хотелось: нас ждало прекрасное будущее, обещанное из каждого утюга!

Из балета тоже, конечно, ничего у неё получилось, но остались эти яростные французские вопли, и грустный кот в клеёнчатой сум-

ке, и память о скольжении по вощёному паркету школьного актового зала с его избыточной досоветской лепниной. Осталась и привычка держать спину. И тем прямее, чем больше хочется сжаться в комок. Только это и осталось от моих занятий балетом.

Спасибо бабушке. Как знала.

А рисовать я всё-таки выучилась потом немного. Рисую словами. Так поздно понимаешь, что самое главное в жизни – вот оно: рисовать всё самое важное словами, для собственного счастья и для того, чтобы хоть что-то, какая-то крупинка задержалась в Сите Времени.

Бабушка ничего не боялась. Однажды она вышла из купе и так что-то тихо сказала разбушевававшемуся в вагоне пьяному проводнику, что тот сник, успокоился, заговорил примирительно: признал её силу. Мы, зарёванные, сидели с сестрой в купе, в ужасе от страшного проводника, а она вернулась, села (руки у нее немного дрожали) и проговорила спокойно, как в полусне, глядя прямо перед собой: «Никогда никому не показывайте страха».

О её семи лагерных годах мы, конечно же, ничего тогда не знали (да и сейчас ничего не знаем). «Не верь, не бойся, не проси?..»

А ещё она верила, что умеет шить, и сооружала себе невообразимые «романтические» тюрбаны, которые ей очень шли. И я гордилась, что на неё в Воронеже все смотрели! Пусть.

А когда я, страшно волнуясь, пришла в её комнату, села на кровати и сказала ей, что уезжаю в Англию навсегда, она ни чуточки не удивилась. Накрыла мою руку своей, всегда горячей рукой (непонятно, откуда брался этот жар, когда в руке её оставались одни тончайшая кожа, толстые, синие вены и кости) и сказала: «Поезжай. Королева там очень приличная женщина». На ином уровне к тому времени она уже не оперировала. И когда я, поцеловав её и поняв, что смысла никакого уже не добыюсь, поднялась, она сказала именно то, чего я так ждала и хотела услышать: «Не бойся».

А я верила, что иногда, когда это очень нужно и важно, она умеет видеть, что впереди. Однажды ведь, в тифозной, голодной эвакуации, она спасла и прокормила всю нашу семью, предсказав хозяйке, которая никак не хотела пускать бездомную ораву женщин и

младенцев к себе на постой, что муж её вернется – живой, здоровый и буквально на днях. Муж женщины был в это время на фронте, шли бои за Воронеж. Он и вернулся, буквально той же ночью. Дерзтировал. Не знаю, каков был итог его драмы, но женщина та на постой их приняла, и новость об «эвакуированной, которая верное говорит», шёпотом пошла по деревне...

Уже перед самым отъездом в Англию зазвала меня на чай родственница, старуха, которую в нашей семье называли Зинка-из-парка-Живых-и-Мёртвых (там, где она жила, закатали бульдозерами старое, дореволюционное кладбище и построили пару хрущёвок, цирк и парк, которому дали в городе вот такое неофициальное название). Зинку эту бабушка и её сестры подвергали непонятному, но стойкому остракизму, с этой стороной родни не общались. И вот в хрущёвке парка Живых и Мёртвых услышала я такую историю... «У нас-то в семье всё про ваших знали и что бабка-то твоя – **взятая**».

Чай остывал, к нему я не притронулась, не до того было, слушая о том, что у моей прабабушки Анастасии в начале марта 1908-го умер новорождённый мальчик, а через месяц или около того на соседней улице в 1908 году был еврейский погром. И, сказала родственница (не без странного злорадства, которое я тут опускаю), на пороге наутро нашли сверток (а в нем – девочка), которую моя прабабушка забрала, сочтя, что это Бог так рассудил – забрал одного, но послал другую (Анастасия верила в Бога), и воспитала как свою дочь.

Отринутая «Зинка» сказала мне, что это не единственная семейная тайна, есть и ещё: мой дед, Александр Фере (мне говорили, что фамилия это венгерская) погибнуть-то погиб на Курской дуге, это правда, но был он никаким не венгром (эта национальность казалась безопаснее, и я верила), а самым настоящим немцем, вот кем! Правда, не из Германии, а родившимся в России, но в остальном – самым настоящим, таким, что даже родным его языком был немецкий, которым он разговаривал со своим отцом, аптекарем Фридрихом Fehre и с матерью своей – Агнессой, балтийской немкой.

И что случайно встретились они с моей будущей бабушкой в Ленинграде, куда оба приехали поступать в медицинский. И только потом узнали, что земляки и даже улицы их неподалеку...

«А шила в мешке не утаишь», – закончила она, не без удовольствия видя моё смятение. Честно говоря, никакой особенной разницы между немцами и венграми с точки зрения «благонадёжности» я не видела (все ведь – Варшавский договор) и не понимала, что поколение переживших войну рассуждало иначе...

Когда я спросила об этом дома (бабушка уже жила в параллельной реальности, созданной старческим мозгом), с сёстрами бабушки началась истерика, и они все абсолютно всё отрицали. Так яростно, что подозрения только укрепились...

Когда сознание бабушки неизбежно стало разбиваться на фрагменты, мозаику, цветные стеклышки и складываться в её памяти в новый, фантазмагорический, причудливый узор, каждый раз новый, смешиваясь с некогда услышанным и прочитанным, как в калейдоскопе, наведённом на солнце, она придумывала себе легенды о своём необыкновенном происхождении (чужеродность свою, конечно же, чувствуя всегда). И все они были вариациями на тему «Когда-то русский генерал из гор к Тифлису подъезжал. Ребенка пленного он вёз. Тот занемог...» Я слушала её в последний свой приезд в Наш Старый Сад (его больше нет, как и снесенного в 2020 году дома), и смотрела на её всё ещё прямую спину, и когда она, девяностолетняя, библейски сидела, опершись на посох, под старой грушей, усыпанной плодами. Нет, я не оговорилась, она наотрез отказалась от прозаических минздравовских костылей, а избрала для себя нечто куда более подходящее её образу и стилю: «А подай-ка мне, Калюшка, мой посох!» Прав был тот, кто сказал, что «стиль – это всё, что у нас есть», как и тот, кто сказал: «Вопросы крови, королева...»

И я притворялась, что верю её безумным легендам о себе, так как к тому времени отлично понимала и слово «никогда», и почему бабушка так ненавидела всегда астры, звёзды осенние.

Я всё ждала и ждала просвета в её сознании, и всё хотела спросить о важном... Но так и не дождалась просвета и не спросила. Впрочем, что она могла мне ответить?

Теперь так отрицаемая ранее версия с дедушкой – этническим немцем и всей его семьей и их историей уже документально подтвердилась на все сто процентов. Но с немцами легче – там всегда какие-нибудь документы.

А вот с происхождением бабушки до сих пор ничего точно не известно. И родственница эта давно умерла. Ладно. Пусть будет тайна и простор для догадок.

Я уже никогда не узнаю наверняка, откуда она такая иная, с бешеным желанием недостижимого и запредельного, появилась в нормальной, хорошей семье моих равнинных, курносых воронежских прадедов.

Бывает, рождаются люди, никуда не вписывающиеся, нигде не находящие «своих», измеряемые не с ног до головы, а с головы – до неба.

И эта Тайна – тоже твой последний и поистине царский мне подарок, дорогая моя!

Я до сих пор не верю, что ты могла вот просто так умереть – как все. Ты где-то здесь. Ты, единственная, колеблешь мою материалистическую логику.

Держать спину. Я помню.

Я помню.

ЛАРИСА КРАВЧУК

Тридцать первый – последний

Из воспоминаний школьной жизни

Экзамен по геометрии навсегда запомнился не только мне. В начале шестидесятых годов прошлого столетия школьники после восьмого класса сдавали экзамены. Тем, кто успешно сдал выпускные экзамены, выдавалось свидетельство о неполном среднем образовании. Одним из обязательных был экзамен по геометрии. К серьёзным испытаниям по каждому предмету заранее были подготовлены экзаменационные билеты, по три вопроса в каждом. Когда я познакомилась с содержанием тридцати одного билета по геометрии, стало ясно, что разобраться со всеми вопросами за короткий срок невозможно. Аксиомы, теоремы, многогранные углы, призмы, пирамиды никак не укладывались в голове!

Кравчук Лариса Викторовна – член Союза писателей России, кандидат педагогических наук, ветеран труда, почётный учитель РФ, автор книг «Мир музыкальных инструментов» (2006), «Волшебный камень настоящий» (2012), «Они были молоды и любили» (2015), «Задумчивый вальс морских волн» (2017), «Навстречу мечте» (2018), «За горизонтом минувших десятилетий» (2019). Награждена дипломами Московской городской организации Союза писателей России, дипломами Центрального дома Российской армии (ЦДРА), Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!», памятными медалями М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, И.А. Бунина. Член клуба ЦДЛ «Московитянка» и литературного объединения им. Героя Советского Союза В.В. Карпова при военно-художественной студии писателей ЦДРА.

Весна врывалась в открытое окно, которое выходило в парсадник, где цвела и благоухала сирень. Удивительный аромат пьянил, птицы звонко выводили трели, солнце после зимних сибирских морозов припекало. За окном всё казалось ласковым и приветливым, весёлые солнечные зайчики на письменном столе словно специально поддразнивали. Учебник по геометрии, как суровый страж, напоминал о предстоящем экзамене и не позволял выбежать навстречу весеннему чуду. Прямые, полупрямые, углы, треугольники, параллельные прямые требовали решений, доказательств и не помещались в голове в таком огромном количестве.

«Учи! Нет другого выхода!» – внушала я себе.

Но как учить, если все теоремы и доказательства словно отскакивают и никак не задерживаются в сознании?

«Найти выход! Какой? Что делать?» – думала я.

Решение было принято: выучить тридцать один билет наизусть, как таблицу умножения! Эксперимент, казалось, удался. На третий день я бойко декламировала вслух перед родителями, бабушкой, младшей сестрой чёткие геометрические определения. От усердного занятия мои силы таяли на глазах.

– Отдохни, Лорочка! Не мучай себя! – жалела бабушка.

В конце дня, выучив тридцать билетов, я крепко уснула и проспала до следующего утра. Пора было бежать на экзамен по геометрии!

«Что делать? Как же быть: тридцать первый, единственный билет не выучен!» – в страхе и ужасе думала я.

Слабым утешением была надежда, что именно последний билет мне не достанется.

День экзамена был по-летнему жарким. В коридорах школы толпились одноклассники. Все суетливо листали учебники, шептали правила: «Двугранным углом называется...», «Две прямые в пространстве...», «Если прямая на плоскости...»

Я же думала лишь об одном: «Только бы не тридцать первый!» Всё остальное могла декламировать без запинки.

Дверь в класс, где проходил экзамен, периодически открывалась, одни ученики заходили, другие выходили.

Наступил момент, когда вместе с небольшой группой одноклассников я зашла в класс. Такого напряжения в воздухе, как в тот день экзамена, я никогда не ощущала.

Возле открытого настежь окна за столом сидели члены экзаменационной комиссии: какой-то важный незнакомый человек из гороно*, несколько школьных учителей, в том числе учительница по геометрии. Ученики робко по одному подходили к этому столу, здоровались, вытягивали билет и направлялись к парте, где для каждого были подготовлены чистые тетрадные листы с большими синими печатями в правом верхнем углу.

Страх сковал меня, когда я приблизилась к столу, за которым восседали члены комиссии. Наугад, с закрытыми глазами, я протянула руку за своим билетом.

«Только бы не последний, только бы не тридцать первый невыученный!» – просила я.

В ту страшную минуту, когда я приоткрыла глаза и увидела номер билета, внезапно словно молния ослепила и раскаты грома оглушили меня. Обхватив голову двумя руками и выронив билет, я с ужасом произнесла вслух:

– Он! Тридцать первый! Он! Последний! Последний.

Представитель гороно авторитетным учительским голосом произнёс:

– Девочка, подними свой билет и садись за первый стол. Десять минут тебе на подготовку, затем милости просим к доске.

«Как, почему к доске? Зачем к доске?.. Это невозможно», – подумала я.

Через пять минут я всё-таки была у доски и зачем-то медленно начала рисовать треугольник.

– Что дальше? – спросила учительница по геометрии.

– Ничего, – ответила я и положила мелок на небольшой выступ классной доски.

Чувство страха на мгновение куда-то исчезло, я словно застыла на месте. Возможно, такое оцепенение бывает только после сильного землетрясения или урагана, когда всё страшное уже произошло.

– Одна музыка у неё в голове да выступления на сцене! – оправдывалась учительница перед председателем экзаменационной комиссии.

Он покачал головой и многозначительно протянул:

– Да-а-а-а!

---

* Сокр. от «городской отдел народного образования».

– До свидания! – сказала я, направляясь к двери.

Только зачем я прихватила чернильницу, переполненную фиолетовыми чернилами, никак не пойму. Это был финальный аккорд моего первого экзаменационного испытания. Неловко зацепившись белоснежным школьным фартучком за дверную ручку, я опрокинула на себя содержимое чернильницы, залив свой накрахмаленный фартучек, а также дверь и пол.

Из класса донеслось:

– Да-да! ЧП!

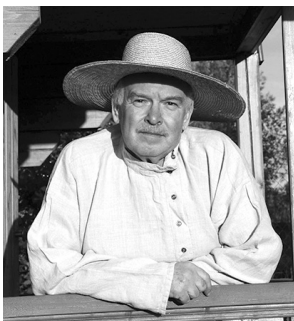
– Иван Иванович! Это гордость нашей школы! – снова оправдывалась учительница геометрии.

– Да-да-да!.. – донёсся голос того же председателя как заключительный аккорд «пьесы».

В ожидании экзамена в школьном коридоре ещё толпились ученики. Увидев меня в фартуке, залитом чернилами, одни не могли сдержать смех, другие побледнели от страха.

«Что ждёт каждого из них за этой дверью?» – подумала я.

Продолжение следует

НИКОЛАЙ НИЗИЕНКО

Маленькие истории артиста Большого театра

Воспоминание о Нью-Йорке

Э то всего лишь штрихи к ненаписанному портрету. В Нью-Йорке я начал новую жизнь. Я живу на Бродвее, при пересечении с 59-й улицей (59th Street). Это рядом с Центральным парком. 6 часов 30 минут утра.

Утренняя свежесть улетучивается очень быстро. Через полчаса воздух прогреется, а через час наступит невыносимая жара. Поэтому спать некогда. Бегом, бегом мимо спящих бездомных, в обилии населяющих парк. Они спят на парковых скамейках, завернувшись в грязное тряпье. Некоторые смастерили себе из картонных коробок жилища, и их совсем не видно. Господи, как же мы любили в детстве строить из подобных картонок балаганы, и как же нам было уютно и радостно сидеть там...

Низienко Николай Филиппович — солист оперы Государственного Академического Большого театра России (бас), заслуженный артист РСФСР, учёное звание — доцент; член Союза писателей России, член Союза театральных деятелей РФ.

Быстрой, быстрее по тропинке в глубину тёмных аллей. На беговую дорожку. И вот я вливаюсь в поток бегущих человечков. Их много, этих энтузиастов бега. Они чем-то все похожи в любом конце света. Многие заткнули уши наушниками и что-то сосредоточенно слушают. И бегут, бегут, бегут... Темп, нужно держать темп. Как же мне тяжело. Со своей чёртовой машиной я совсем обленился. Сидишь в этой железяке и толстеешь. Всё, нужно держать себя в руках. Темп, темп, лишь бы не задохнуться, не сбиться. Всё дело в темпе. Какие тяжёлые ноги. Вон девчонка стремительно обходит меня. Я впиваюсь глазами в её круглую, упругую, натянутую в чёрные блестящие рейтузы задницу и прибавляю. Она ещё минуту маячит передо мной чёрным манящим пятном, но где там, я задыхаюсь и быстро сдаюсь, переходя на свою неторопливую иноходь. А вот юное прелестное создание, несущееся мне навстречу, улыбается, приветливо взмахивает ручкой. Чего это она? Долго не мог я понять, чего они так радуются, увидев меня, и бог знает, что передумал. А потом меня осенило: у меня на майке крупно так написано – BOLSHOI OPERA. А я-то!..

Всё когда-нибудь кончается. Кончились и мои обязательные 5 километров. 200 метров до отеля я иду спокойно и радостно. Хорошо оттого, что я заставил себя подняться и бросить своё тело в эту живую, бодрую толпу энергичных людей. Эти настырные американцы прекрасно держат темп. По тропочке я бреду мимо подстригающего газон садовника с чёрной добродушной физиономией. Под ногами шмыгают облезлые белки. Отель, швейцар, лифт, ванная... Боже, какое это блаженство – стоять под холодными струями воды, стоять долго и чувствовать, как свежесть и бодрость растекаются в тебе медленно и неотвратно.

Вчера я был в Метрополитен-музее (Metropolitan Museum of Art). Меня долго водила девушка Соня по почти пустым и прохладным залам и всё говорила, говорила... А я её почти не слышал и всё смотрел, смотрел на эти сокровища, собранные со всего света. Глаза, уши, ноздри отпечатывали в моём мозгу необыкновенные ощущения. В глубине души, где-то далеко и таинственно, звучала блаженная тихая нота, и колебания волшебной струны волновали меня. Я смотрел на лица людей, живших сотни лет назад, запечатлённые вдохновенной кистью Рембрандта, Тициана, Гойи. Люди эти жили, любили, страдали. Всё у них было, и всё кончилось, растворилось, исчезло. И дома, в которых они жили, рассыпались, и одежды, которые они носили, истлели. Остались лица на тёмных полотнах, освещённые таинственным светом

вечности. Я мучительно всматриваюсь в них, пытаюсь представить, какими они были, что чувствовали, что любили и что ненавидели. Лица эти все разные: они уродливые и красивые, они глупые и умные, они смешные и хитрые – разные, но они все прекрасны, эти лица.

Потом я долго сижу на скамеечке в зале среди моих любимых импрессионистов. Их очень много. Вот чувственный Ренуар, мерцающий Моне, страстный Гоген, страдающий Ван Гог... От всего этого кружится голова. Сколько необузданных страстей, полунамёков. Желаний манящих...

Днём и вечером я брожу по лабиринтам огромного современного Вавилона.

Всё смотрю, всему удивляюсь, пытаюсь понять и не понимаю, как можно жить на этой раскалённой сковородке. Да, я живу на Бродвее. Помните фразу – «Прошвырнуться по Бродвею»?

Вот я каждый день этим и занимаюсь. Все заняты собой и ни на кого и ни на что не обращают внимания. По улицам текут реки машин, а по тротуарам, прижимаясь к стенам, спасаясь от невыносимой жары – 100 по Фаренгейту (а мне – так и по Цельсию), спешат прохожие. Всюду кучи мусора. Какие-то люди постоянно суют вам в руки бумажки, дежурно улыбаются и куда-то зовут. Зовут зайти, посмотреть, купить, отведать. Невыносимой красоты и высоты рекламы с полуобнажёнными дивами зовут и умоляют: купите, купите! Вот у стены примостился негр и выстукивает на мусорных бачках самые современные популярные ритмы. Глаза его просто призывают: купите, купите ритмы!

А вот странный человек в коротких штанишках, усыпанных блёстками и звёздами, в малюсеньком колпачке выскакивает на перекрёсток, смешно по-лягушачьи прыгает. Он пугает машины, кричит, топает ножками, делает неожиданные скачки, протягивает руку и просит монетку. Вообще-то, американцы покорили меня своей непосредственностью, искренностью и своим многообразием. Нигде я не видел столько красивых людей – мужчин спортивного телосложения и женщин стройных, подтянутых, белозубых, с высокой грудью. И нигде я не видел таких огромных толстяков – мужиков и женщин с пухлыми, в три обхвата, задами. Но вместе с тем никаких комплексов, все радостны и доброжелательны.

Да, и я был в одном из бродвейских театров. Полтора часа пролетели мгновенно. Негритянская труппа давала представление. Это был мюзикл ONCE ON THIS ISLAND, что в переводе означает «Однажды на острове». Да, они были пластичны, музыкальны, великолепно пели

и танцевали. Но все эти восторженные слова не могут выразить и толики того, что перечувствовал и пережил я за эти полтора часа. Это примерно такое чувство, которое я однажды испытал, блуждая по раскалённому Нью-Йорку часов семь кряду.

В горле совершенно пересохло. В глазах начало темнеть, а ноги стали ватными. Стою, прислонившись к стене, и почти ничего не соображаю. Вдруг откуда-то появилась рука, бережно направила меня в тень и подала огромный бокал охлаждённого апельсинового сока. Я подношу к губам запотелое холодное стекло и втягиваю в себя животворящую влагу. Какое блаженство! Полтора часа я прожил вместе с героями пьесы. Я любил вместе с ними, я страдал вместе с ними. Мои герои были так искренни и так правдоподобны, что я всё забыл: где я и что я. Я отстукал себе все ладони, вскакивал и орал браво. Это нужно видеть и слышать.

Чем же, кроме бега и блуждания по Нью-Йорку, я занимался? Я пел для них, для американцев. Вместе с оперной труппой Большого театра я пел на сцене их знаменитого театра. Я бы сказал, лучшего театра мира – Метрополитен-оперы. Великолепная акустика, доброжелательная, восторженная публика. Они прекрасно нас принимали. Во втором действии оперы «Орлеанская дева», после хора «Слава», я уставал стоять, ожидая, когда закончится шквал аплодисментов – этот восторг продолжался несколько минут. Мы привезли три спектакля: «Млада», «Евгений Онегин» и «Орлеанская дева». Я пел Тибо в «Орлеанской деве». В антракте за кулисы прибежала восторженная толпа зрителей и буквально рвала нас на части. А в меня прямо-таки вцепилась крохотная японка на кривеньких ножках. Смотрела удивлёнными глазками, тербила за рукав и что-то всё мяукала и мурлыкала слабеньким голоском и часто так кланялась, кланялась. Директор театра шепнул мне на ухо: «Это японская принцесса, ты уж, братец, окажи им почтение». Я обнял её, и нас тут же сфотографировали.

Вот, наверно, и всё. Нет, конечно, не всё. Впереди был Вашингтон. Национальная галерея искусства (National Gallery of Art), музей авиации и воздухоплавания, Белый дом, Капитолий и потрясение от «Тайной вечери» Сальвадора Дали, чудное живописное местечко Wolf Trap и необыкновенный сказочный, весь деревянный, летний театр, в котором мы пели.

Но это уже другая история, другой портрет.

Нью-Йорк, 1991 г.

ВАСИЛИЙ ПОЛЯКОВ

Журавли помогли

У медиков, ежедневно занятых ответственной интенсивной работой, по-особому воспринимаются командировки на съезды, конференции, симпозиумы. Конечно, предстоит определённое напряжение, связанное с прослушиванием и восприятием самых важных докладов. Хочется не упустить всё самое интересное, что пригодится в работе потом, в будущем; нарастает волнение в связи с предстоящим собственным выступлением и с тем, что надо будет отвечать после доклада на вопросы коллег. И всё-таки подобные события запоминаются атмосферой праздника и остаются в памяти надолго. А самое главное – общение с коллегами. И часто бывает так, что вне заседаний, чаще к вечеру, где-нибудь в небольшом зале или в номере, собирается компания и начинаются интереснейшие рассказы из собственного опыта жизни. В такое время лови момент и слушай, внимательно слушай. Вот тогда люди и раскрываются.

На одном из симпозиумов, проводившихся на юге нашей большой страны, собрались в номере четверо мужчин. Хозяева проявили изысканное гостеприимство. На столе стояла ваза со спелыми красными яблоками, крупные фужеры, а за стёклами буфета красовалась коллекция самых разнообразных вин, на этикетках кото-

---

Поляков Василий Евгеньевич — доктор медицинских наук, профессор, член Союза писателей России.

рых неизменно присутствовал летящий журавль, несущий в клюве большую кисть винограда.

Хозяева в первый день встречи с гордостью поведали, что означает этот символ. По легенде, одна из хорошо укрепленных крепостей этого народа много дней держала оборону от врагов. Нападавшим ну никак не удавалось овладеть крепостью! Дело в том, что не только стены и башни были неприступны. Главное, что воины, оборонявшие крепость, были смелыми, решительными, отчаянными. Все попытки врагов прорваться в крепость и захватить ее оказались безуспешными. И тогда враги устроили крепости осаду. Прошло несколько дней, потом несколько недель, а крепость не сдаётся!

Но с каждым днём у защитников крепости уменьшались запасы пресной воды. Под жарким солнцем они страдали от мучительной жажды, а отыскать воду было негде. Это было самое тяжёлое испытание.

И вдруг в один из дней, когда ситуация стала совсем критической, почти отчаянной, за крепостные стены опустилась стая журавлей. Каждый из них нёс в клюве большую ветку спелого винограда. Защитники крепости утолили жажду принесёнными птицами виноградинами, и к ним вернулось мужество.

Осаждавших врагов обуяла ярость, но они так и не смогли проникнуть за стены крепости и вынуждены были уйти.

С тех пор люди, живущие в этой местности, сохраняют в своей памяти благодарность и журавлям, и винограду и с гордостью передают рассказ об этом событии своим потомкам и дорогим гостям. Журавль с веткой винограда воспринимается этим народом символом стойкости и мужества. И ещё этот символ напоминает, что отчаиваться и терять надежду никогда нельзя.

Услышав рассказанное, четыре детских онколога многозначительно переглянулись и не сказали друг другу ни одного слова.

АЛЕКСАНДРА ШЁНЕНБЕРГЕР

One day Monday

Утром хорошо просыпается только сахарный песок мимо чашки. Просыпаюсь – жить не хочется. Завести, что ли, молли, рыбу-далматинца, цвета моей жизни, чёрно-белой, контрастной? Утро началось, my deep sea baby...

Шёненбергер (Чугай) Александра Николаевна родилась в Москве в 1968 году. Окончила Московский архитектурный институт. С 1991 года – свободный художник (живопись, графика). Принимала участие в выставках ЦДХ и МАРХИ.

С 1996 года живёт в Швейцарии. Окончила Высшую школу прикладных искусств, г. Ла-Шо-де-Фон (La Chaux-de-Fonds), кантон Невшатель, по специальности «Дизайнер промышленных изделий, ювелирных украшений и часов». Работала ассистентом преподавателя на кафедре индустриального дизайна.

С 2004 года возвратилась к живописи.

Переехав в Швейцарию, начала писать рассказы. Чем это обусловлено, трудно сказать. Большое влияние на Александру оказала ее мама – московская поэтесса и переводчик Ольга Чугай. «Для меня литературная среда была частью моего дома и мироощущения. Думаю, что писательство (для меня лично) всегда было и остаётся способом выживания и адаптации в иноязычной среде, – уверена Александра Шёненбергер. – Семантика родного языка, его экспрессия помогают мне объединить пространство проживания с моим личным пространством. Это также связь прошлого и настоящего через слово, понимание и ощущение реальности, способ её анализа и проверки».

...Как утопающий за соломинку, хватаюсь за приготовление сэндвича для дочки. Отсчитываю ей двадцать пять капель железа на чайную ложку, режу на кусочки манго, засовываю его в коробочку для пикника, туда же отправляю клубничный напиток. Делаю дочке хвостик с голубыми заколками, и она уходит с подругой в школу. Хватаюсь за корзину с высохшим бельём – по шкафам разложить. Картошка на обед, поезд в Берн – смотрю расписание на компьютере. Торможу, упадаю в фейсбук, зависаю – там вчера была дискуссия по-поводу картинки со вставной челюстью, лежащей в пустом стакане без зубных щёток. Я спросила: «Разве в гроб со вставными зубами не кладут?» Витачка-Птичка прислала горестное сообщение о том, что «некоторые родственники оставляют челюсть себе, когда там зубы золотые». Ужас. Пишу: «Ужас!» – и открываю страничку с расписанием поездов на Берн. Как бы к ним, сукам посольским, подобраться так, чтобы они меня не завернули? Пойду к концу приёма... «Ах ты, ласточка моя, где же это видано, чтобы на вставной челюсти зубы росли золотые? Коронку могут снять, а протезы-то все беленькие...»

Всё равно в посольстве может случиться какая-нибудь пакость. Что-нибудь они мне придумают обязательно, чтобы без скандала бумажку не давать. А всего-то и нужна справка о проживании в кантоне Берн. Буду плакать и говорить, что мама умерла, а так оно и есть.

Берн. Автобус. Чайки кричат? Нет, это едут швейцарские бабушки. Сегодня их много набилось на маршруте Elfenu. Едем. Эльфов нигде не видно, бабушки не выходят.

Умытый зимним дождём посольский район. На крышах вилл золотые павлины, золотые слоны, гирлянды прошедшего Рождества, красные бернские медведи на гербах, вечноцветущие герани – озимая культура местных балконов. Остановка Willadingweg. Чёрный охранник в дверях консульства. «Давайте все свои вещи вытаскивайте из карманов...» Это самая интересная часть его работы. Ронется в моей сумке. «Ну печенье вы сегодня не найдёте. Вот когда подпишут бумажку, в следующий раз принесу cookies». Скалитя, пропускает.

Долго меня не мучили, на этот раз справку выдали с первого захода. В приёмной разжилась «Путеводителем патриота» общества

«Русь без границ» да эзотерическим журналом «Тайны знахаря». Поеду домой, время всё лечит.

Вокзал. Не буду смотреть поезд. Теперь только чашечку кофе. Гори всё синим пламенем, я – обладательница сверхценной справки из консульства, с ней можно многое успеть.

Сажу за столиком вокзального кафе. Время обеденное. Напротив меня фастфуд Seven Spices, усатый турок скалится за прилавком. Длинная очередь из молодых людей, улыбки заточены под сэндвичи и кебабы. Рядом мирно отдыхает плакат «Швейцарская картошка». Я пью кофе в третьем измерении.

Время пошло. Вскрываю, бегу на поезд, вписываюсь в диагональную кривую между двумя проходами на платформы. Запах выпечки сводит с ума. Вспоминаю, как нежно пахла тётка из консульства – сладчайшие духи. Чуть не улетела к ней за корсет. Фиалка бюрократическая! Так бы и свернулась клубочком со своей паршивой справкой у неё за пазухой.

Еду в поезде, читаю журнал «Тайны знахаря».

Молитвы от диабета. Именем Господа нашего Иисуса Христа! Особенно помогают 90-й и 50-й псалмы. Читать двенадцать раз. Обратиться со словами молитвы к Богу, Пантелеймону-целителю и святителю Луке. Далее берём полстакана гречневой крупы подсушенной, измельчаем в кофемолке и заливаем стаканом кефира. Налицо три стихии: солёная, десертная и молочная. Принимать по полстакана. Далее больной своими руками должен измерить голову и сплести веночек из берёзовых тонких ветвей, добавив туда листочки лаврушки, – мученический венец готов. Рекомендуются отнести в церковь, поставить семь свечей Божьей Матери и сказать: «Пришла за здоровьем и ушла со здоровьем».

Пришла за справкой и ушла со справкой.

– Биль, эндштацион!*

Январь 2016

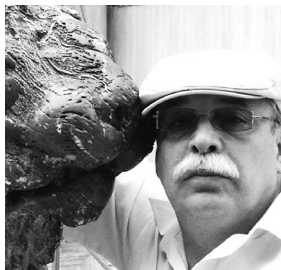
* Биль, конечная (нем.).

3

МОНОЛОГИ

МИХАИЛ ЧЕРДЫНЦЕВ

Горизонты памяти поэта Александра Блока

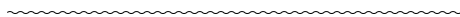
*Когда замрут отчаянье и злоба,
Нисходит сон –
И крепко спим мы оба;
О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле...*

А. Блок

Водный стадион

Мне снился стадион, причал и катера,
Где мы с тобою шли вдоль пляжа по дороге.
Но светофор погас среди огней, пора
настала поздних встреч, безудержных и строгих.

Пожалуйста, усни, забыв мечты свои,
Оставленные там, где тает жар внимания...
Пусть соткан чувства мир для радости любви,
А мусор прошлых встреч не стоит понимания.

Поэзия **Михаила Чердынцева**, публикуемая в журналах и газетах второй половины XX века и первой четверти нового XXI, а также постоянные выходы авторских книг в отечестве и за рубежом, определили его независимое и отдельное положение в современном литературном процессе, как основателя и лидера русского ритмического минимализма или образного малословия.

Так, кажется за всё, о чём мечталось нам:
Неведомый меж дней, от силы миг вернётся,
А, если припадать к возможным берегам
Поступков, то смотря, как вечность отзовётся.

Но ты идёшь из тьмы, забыв про результат,
Туда, где мы вдвоём, быть пробуем с начала...
Здесь, в сердце впереди простор и ряд преград,
Но счастье дальних встреч... возникло у причала.

Положение событий

Без перемен я выхожу из тьмы
Востока, сделать встречам предложение,
Не ведая отката от сумы
Событий до иного положения.

Пусть иногда приходится держать
Удары чувств, твоих поступков смелых.
Но замерев во тьме, здесь стоит подождать
Смысл, обретя права в тумане чисел целых.

Парящая бессмысленно судьба
Затянет пояс в миг преображения,
И всё произойдёт, пока борьба
идёт с тобой за горечь возражения.

А вот зачем слепой остаток встреч
Торгуется и теребит пространство
Нам в памяти, где стоит побережь
Возможности, как меру постоянства.

К ожиданию встречи

Дни торопя, устав от суеты,
Мы ожидаем редких увлечений,
Внезапно, но за гранью пустоты
Событий ищем поздних приключений.

Да кто осудит нас теперь? Но день,
Как время, безвозвратно, поражает
События, растратив в чувствах тень
Свиданий, взгляд которых мир сужает...

И требует, для сохраненья, льда
Бессмыслицы, и царствует беда.

Ответ из мглы

С чувством неловким на встречах не раз
Мне доставался обычный рассказ –
О пониманье в ответ.
Впрочем, к чему эти вздохи порой
Нам? Если время уходит с тобой
В мир, где теряется свет.

Даже в итогах мы ищем пути
До обстоятельств, где можно найти
Выгоды от совершенств.
Для выражения чувства во всём,
Есть на душе одинокой приём:
К встречи достигнуть блаженств.

Смысл свиданий

Текст на ухо жужжит:
Старуха – Божья муха полуслепая,
но спасает нашу связь!
Не требуя себе в событиях навару,
Здесь посмотри, в углу в огнях сверкает тара
С напитком – и торопит встречи вязь
В тетрадку.

Впрочем, что?
Ответь теперь мне кстати верно:
В общенье за стаканом, откровенно,
Таится, может, истины пятак?

Нет! Милая, всегда в прикосновенье
Друг к другу и затем с проникновеньем
Хранится правда – творчества мгновения,
Которых мы, желая, ждём. Вот так!

Путаница в словах

Но ты, конечно, с возрастом права!
Здесь, не торгуясь, управляя миром,
Открой мне, как теперь найти слова
От тесноты до пустоты эфира.

Столкнувшись кстати, падаем во тьму
причин, не разбирая к датам числа
В твоих ответах, где я не пойму:
Как в чувствах одолеть барьеры смысла.

Какова жизнь?

*Жизнь такова, какова она есть
и больше ни какова.*

В. Костров

К поступкам здесь причина такова:
Что в глубине невнятных рассуждений
Являются внезапные слова
Для объяснений тайны отражений.

Как результат с движением души
К желаниям, поняв итоги встречи,
смысл нахожу, что чувства хороши,
Но только тем,
что я за них отвечаю!

Ожидание разлуки

На памяти моей в ответ зашелестят
Деревья поздних встреч, обманчиво и строго.
Я, словно воин, столько лет подряд
жду жарких чувств, с заменой у порога.

Но слово – острый меч!
Господь вручил
Его к сомненьям, а потом разрушил
Условий круг и подыскал ключи
К забытой двери, где сольются души.

Здесь в оправданье явятся слова,
Чтобы пройти через барьеры цепко
С делами, после встреч,
но жизнь права,
И чувства в сердце нашем правит крепко.

Итог в конце: конечно – ширь полей,
Тебе приятней города общенья!
Но вспомним – быть сильней и жить смелей
У края, лучше перевоплощенья.

Послание к Еве

Не скучай среди дел, подари себе долгие дни
В ожидание встречи со мной, от возможных желаний в разлуке.
Так легко проходить через редкие в памяти сны
там, где чувства одни,
Среди бездны сомнений дружат с Ангелом прожитой скуки.

Да, так трудно со мной тебе!
Видно стоит припомнить одно:
Можно чувством реальность спасти, ощущая блаженство,
Чтобы вечность отмерив, опустившись с любовью на дно,
слово долгое вспомнить,
перед встречей с огнём совершенства.

Отсутствие причины для встреч

Я ждал тебя, всегда у перекрёстка
Земных путей, пересечённых хлётко
В событиях, во фразах и в делах...
Раб обстоятельств и иных поверий,
Пусть каждый раз, отчаянно, у двери
Столкнусь с тобой, случайно, впопыхах.

Но ты твердишь, ища предназначенье
Для чувств, к желаньям после отреченья,
Смысл выбрав к встречам.
Пройдённый урок
Придётся вспомнить посреди событий,
Поскольку тает всё в пылу от прыти
Бессмысленной,
словно в душе порок.

А дальше? Дождь отчаянных свиданий,
Всё смое; После слёз и оправданий,
Пусть вьются горечь в сердце и печаль...

Давай, забудем прошлое, что было,
Но в жизни остаётся привкус мыла...

Кому какое дело? Мне, не жаль!

Обращение с темнотой

Грубый сон оборвав, отвечая за всех и повсюду:
С появлением чувства согласия,
но без прикрас,
Подпишусь под единством с тобой на бумаге и буду –
Встречи переживать, словно прошлое мне не указ.

Гром и звон перемен от согласий забытого права
Разрывают сознание, всё громче и крепче в груди.
Так зачем торопиться,
и до дна расставаний отраву
Пить из плошки поступков с презреньем пути впереди?

Остаётся мечта: этих криков от соединения
Не услышит никто.
Оправданий решительный вздор
К позабытым понятиям предложит нам освобождение
От желаний среди покаяний, несущих позор.

Да, смешная строка выше ужаса переживания,
Может руки согреть или холод в душе отменить.
Впрочем, к случаю счастья,
Между встреч через горечь призвания
В днях безжалостно крутим незримую времени нить.

Здесь вернёмся к началу, где всегда от объятий истока
Смысл заносит насильем
Там, где тает в свиданиях власть...

А пока можно с чернью от солнца событий
с движеньем к потоку
дела, не удержавшись, в иное пространство попасть.

Отражение памяти

Память-беженка жаждет благих впечатлений
к удачным мгновениям,
подражая, в желаньях разумных поступков, без самоотдачи...
Воздух полон расчёта, но разум в сомненьях
растратив возможность в свиданиях
К ощущениям близким, видением путь обозначив,
Незаметно находит для повтора всему оправдания.

Или так, где способны возвращаться былые мгновения
На круги ощущений от единства в согласиях воли,
Потревожь своё сердце, опускаясь до прикосновения,
Остальное – вернётся с возможностью видимой доли.

Ты спроси..., я отвечу: почему без особой причины
Мир объявленных чувств переходит реальности грани.
Когда льётся смертельный металл,
и теряют рассудок мужчины,
Постигая среди выражений значенье незримое брани.

Пролетающим бездной событий, к родному для сердца болоту,
Где разбросаны с ягодой – капли беды поражения...
Я открою:
что вечность выходит в конце на работу
И не знает усталости истина в поле сражения.

Сезон иного света

Сложней чем жизнь, туманней, чем резон
Попыток: ждать на сердце состояния,
Где время бьётся встречам в унисон,
А чувства держат взгляд на расстояние.

Пока ответ держать за всё берусь,
Не требуя здесь твоего совета:
Зачем в ответ душа,
постигнув грусть,
Из тьмы желает радость среди света.

На Взморье

*Был на Взморье, встретил рыжую Марту...
Плечи её – бессмертны!*

А. Блок

От радости в минуты расставания
Судьба нам преподносит в миг свидания
Блаженство на коротком поводке
Взаимных притяжений.
Для событий
ждём к совершенству перечень открытий
Итогов, словно радости в ларьке.

Да, кстати, собираясь, каждый раз,
Для происшествий выполнить наказ:
Удачу подобрать к свиданью. Скоро
В сюжете расставаний среди дней,
где тесно жить с тобой нам, мир сильнее
сжимает сердце тьмой кромешной спора.

В стороне сна

В мире памяти снов, под дождём без тебя,
Выплывают два Ангела, громко трубя:
О минутах согласий в блаженствах.

Только там,
где себя ты для чувств отдаёшь,
С полумерою дела и рано встаёшь,
Смысл попробуй найти к совершенствам.

Мир неверный, играя, творит чудеса
Там, где Ангелов стая, взлетев в небеса,
Дарит выбор к возможностям дела...
Впрочем, ты, открывая для встречи пути,
Сможешь, с верой в меня,
мимо бездны пройти
Чувств, незнающих меры предела.

Но когда в результате подводишь итог
Среди дел и опасных для жизни тревог,
Стоит просто на миг замереть...
И уже от судьбы ничего не желать,
Просто рано с рассветом блаженства вставать,
Чтобы вместе возможности сметь.

И цветёт поздним временем ягодный куст,
за оврагом стихает валежника хруст
Там, где тайно мы были с тобой...
Но с дождём не вернётся пора никогда
Этой смелости с радостью, словно вода
Только посланный знак нам судьбой.

Дневник удачи

Детально разобрав ушедшие удачи,
Итоги, оценив словами: «может быть»!
Легко смотреть в дневник, где время обозначив,
Мы двинемся во тьму и надо свет забыть.

И всё-таки,
когда возможность есть исправить
Реальной жизни ход среди незримых дел.
Я, молча, перейду в мир сокровенных правил:
И выберу с тобой предложенный удел.

Но главное, смотреть спокойно на картину,
Возникшую внутри достойных перемен:
Послушав, как гудит и дует ветер в спину
От радости в душе до горечи взамен.

Да только дальний свет не трогает покоя
И в памяти хранит остатки тишины.
Но каждый в чувствах день,
пусть ничего не стоя,
Являет встречи нам, как гость чужой страны.

Что толку отличать успех от неуспеха?
Раз выпадет в ответ решительный азарт...
Особенно, когда нам вместе не до смеха
И, чтобы дальше жить,
раскроем правду карт?

Так, если вправду мы, ни в чём не виноваты,
Попробуем найти себе другие даты.

Вопрос сердцу

Здесь странно вместе ждать, когда для нас наступит
Понятий поздних смысл – зачем развеян свет?
Но в мире есть вопрос:
так, где же тётка в ступе,
Роняющая нам за пёрышком ответ?

Бессмысленно вдвоём, без толку ждать покуда
Произойдёт в конце преображенья чудо...
Вы будете, конечно, правы! Но:
Жизнь в осужденьях таинства избита,
А капля счастья в океане быта
Мелькнёт, как кадр невидимый в кино.

Пустынно всё и дел напрасных стая
На горизонте миражей, растаяв,
несёт с холодной вечностью нам пусть
Смысл в отношеньях, разводя турысы...

Здесь в испытаниях царят блаженства вкусы,
Приняв в душе от совершенства, грусть.

А образ результата! Что он ждёт,
Каких мгновений к вечности в итоге?
Каких в душе воспоминаний строгих:
И радости, которая придёт!

На границе смысла

Исчезают без смысла, незаметно, беспечные дни
понимания правды, приходящей к реальности света.
Здесь, на грани событий, где с тобой мы остались одни,
Мир потребует лживых поступков и даже ответа.

Как заморская даль подтверждает в сознание цвет,
на душе с переменной возникают опасные дали;
Там на склонах событий с тобой возникает рассвет,
тьнь желаний укрыв, на затёртой странице, делами.

Но развенчанный голос твой, от способности в жизни соврать,
Пусть мучительной песнью на встрече отменит звоночки
На пространстве пустом,
чтобы знать, как в итоге сорвать,
Среди будущей жизни поступком в любви оболочки?

В процессе постижения мира

Просто раны сомнений на сердце покрыты покровом внимания,
у ограды согласий, но под плетью надежды,
как забытый условий мотив.
Солнце плещет в окно, мир купается в божеском прошлом

и ждёт понимания: для удачи желаний,
свет с тобой как из тьмы ухватить?

Проза жизни,
рождаясь на встречах, улетает внезапно из рук;
Ждут события перечень дел и отдельно приказа:
нам в итогах случиться.
День рождения и смерти замыкают невидимый круг
Меловой, сквозь который не способны прорваться
Знакомые лица.

Вместо жёстких поступков к нам приходит усталость
в результатах и требует с возрастом сна,
достигая блаженства конца в глубине ожиданий к обряду.
А когда распахнутся одежды и металла сверкнёт пелена,
То душа запоёт совершенство, забыв про награду...

Или, если к нам часто приходит в сомненьях усталость
и требует к отдыху сна,
Вместо жёстких условий поступков, несущих блаженство...
Пусть, внезапно тогда сквозь одежды металла сверкнёт глубина,
И душа запоёт, обретая в словах совершенство.

Прорыв в сознание

1

В который раз необходимо
найти таинственную связь для встреч,
но всё проходит мимо,
с поклонами благословясь...

Но там, у испытаний грани
Возникновения в огне,
Пусть, словно блеск воды в тумане,
Мерцает жизнь твоя во мне.

2

Разлука, в нервном состоянье всех,
Кто знает меру,
пусть на расстояние удерживает, часто даже тех,
Кто не приемлет мелочных утех,
Или удачу – скромную награду...

Но вьётся жизнь, подобно винограду
вокруг столба с надеждой на успех.

Все мелочи невнятной жизни нашей,
Пускай для дел оценим смысла краше,
И возведём к реальности такой
Остатки проходящих встреч с тобой.

Но молча возникает мир к покою
Да так, что я возможности открою
Среди событий с правом на успех...
Или удачу с верой на награду,
Так вьётся жизнь, подобно винограду,
К вершине вяза, с верой на успех.

4

ГОЛОСА

ОЛЬГА ЧУГАЙ

* * *

Озябшее предзимнее затишье,
Листвы опавшей погребальный дым.
Как ни жалей, уже не возвратишься
К делам недавним. К улицам родным.

Возьму листок. Легко запечатлею
Дом двадцать три. Корявую аллею.
Двух мальчиков. Зелёный самокат.
Трубу. Колонку. Лестницу. Закат.

Ольга Олеговна Чугай (1944–2015, Москва) воспитывалась в семье деда, профессора-филолога А.С. Беднякова. В 1964 году поступила на исторический факультет МГУ. Доучившись до последнего курса, решила не защищать диплом, а, по совету профессора П.А. Зайончковского, профессионально заняться литературой. В 1990 году окончила Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. Стихи писала с ранней юности, начала печататься с 1965 года в альманахах и литературных журналах («Новый мир», «Юность»). Занималась переводом поэзии с английского, чешского и других языков. Руководила литобъединением в УДН им. П. Лумумбы, молодёжной литературной студией при СП. С 1977 по 1990 год вела «Лабораторию первой книги» при Московской писательской организации. Составитель и автор первой «перестроечной» антологии «Граждане ночи» (М., т. 1 в 1990 году, т. 2 – в 1992-м). Автор двух сборников стихов – «Судьба глины» (М.: Советский писатель, 1982) и «Светлые стороны тьмы» (М., 1995).

Случайные, но важные детали,
Которые глядят из давней дали.
Они друг другу руки подают...
Всё узнаю... Меня не узнают.

* * *

Дышали вместе на стекло,
И вот – ни звука...
Как быстро время истекло.
Привет, разлука!

Сегодня скалывают лёд
На переходе.
Разлука – тоже переход
Любви – к свободе.

Чтоб не расстаться впопыхах,
Не раствориться
И обо всём потом в стихах
Проговориться,

Запомним каждое из тех
Двойных мгновений,
Прочтём на сердце шрамы всех
Прикосновений,

Покуда пальцы сведены,
Как звуки в слове,
Покуда двое у стены –
И это – внове,

Вдвоём, как бы одно лицо –
Сцепили руки:
Тоски и жалости кольцо
Внутри разлуки.

* * *

Вольно под ветром пёстрой листве -
Лучше лететь, чем остаться на дереве.
Щедрость последняя долгой молве:
Ждали, любили, на что-то надеялись.

Снова хозяину лиственных стай
Столько свободного времени выдано,
Хочешь бросай их, а хочешь – листай –
Видимо всё, что казалось невидимым.

Листьями на землю, словом – на лист –
Есть ещё право свободного выбора.
В тёмном проулке шёпот и свист –
Сонный, прокисший ноябрьский пригород.

В тучах бегущая к дому луна,
Хлопнет в подъезде, ступени затопают.
Где это ты пропадала одна?
Спросят – и листья попадают с тополя.

Старая песенка, вечный мотив,
Выдумка, правда, беда, всепрощение,
Бледные луны, окна негатив,
И неохота менять освещение.

Не повернуться, навстречу не встать, –
Только с названием «Воспоминания»
Книгу осеннюю перелистать
Всю – от свидания и до предания.

Ангел

*Клубятся облака густые,
Дозором ангелы встают,
И кто поверит, что простые
Там сети и ладьи плывут.*

В. Ходасевич

Солнце медленно садится,
В комнате полутемно.
Наклоняюсь над страницей.
То ли ангел, то ли птица
Тянется через окно.

Луч последний догорает,
Всходит первая звезда.
Никогда не умирает
Тот, кто не жил никогда.

И парит во мгле предвечной
И бесплотный и беспечный
С непокрытой головой
Нереальный ангел мой.

Входит вечер. Солнце село,
Задевая провода.
Третья вспыхнула звезда.
Ангел белый, ангел белый,
Ты же не был никогда!

Разойдемся на рассвете, –
Кто-то рядом... Кто-то третий,
Кто, скажи мне, до утра
Не уходит со двора?

Солнце всходит.
Город пуст.
Спит черемуховый куст.

* * *

*Больно и радостно – вольному воля.
Всё тебя тянет из дома, из дома,
Где-то у края последнего поля
Ветер ерошит ржаную солому.*

*Необъяснимое, детское, птичье –
Трепетней сердца в раскрытой ладони.
Вечные – вечно меняют обличья –
Ветер и воля, побег и погоня.*

...Украдкой время к вечности течёт.

Шекспир, 77-й сонет

Пока молчание моё
Судьба не сделала словами,
Покуда с медною трубой
Она не встала за плечом,
Я с вами – небо и земля,
Я, как и прежде, с вами.
Мы, люди, – волны,
Мы – вода,
Мы к вечности течём.
Привычный шорох бытия,
Шагов, листвы, прибоя,
Привычны лица и леса,
Привычен небосвод.
Мы совершаем вместе с ним
Движеньё круговое
И бессознательно следим
Незримых лет полёт.
Незримо кружат возле нас
Неведомые сферы,
И незаметные для глаз
Вселенные живут.
Мы сладко дремлем наяву
В пелёнках атмосферы,
Покуда каждого из нас

На суд не сволокут.
Ответствуй, прокричит труба,
За каждый вздох – ответствуй!
Проснись, к пространству прикоснись –
Дыши, припоминай,
Как в небе радостно горит
Большое солнце детства
И волны хлещут, и ревут,
И рвутся через край.

5

КНИЖНАЯ
ПОЛКА

рецензии

«Пред вечностью душа моя чиста...»

В 20-х числах января этого года Леонид Иванович прислал мне по электронной почте результат ночных трудов – новое стихотворение «Отшельник», очень естественное, как бы само собой проросшее. Я понял, что это поэтическая удача, и от души поздравил автора. При этом я всё же не удержался и обратил внимание на некоторые шероховатости, которые, с моей точки зрения, ослабляли звучание произведения. Шаг с моей стороны, конечно, рискованный, и самолюбивые творцы могли бы квалифицировать его как вторжение в их творческую лабораторию. Что же Леонид Иванович? На следующий день со словами благодарности он прислал доработанный в ключе сделанных замечаний вариант...

Я этот эпизод привёл не для того, чтобы подчеркнуть значимость собственной персоны, к мнению которого прислушиваются авторы, а чтобы показать, как в этой реакции поэта выражается его сущность: не скандальная, спокойная, уравновешенная, готовая учесть взгляд со стороны, если мнение аргументированно и способствует улучшению произведения. В итоге стихотворение вошло в данный сборник в таком виде:

*Под январским простуженным небом
Жизнь проходит своим чередом.
По тропе, припорошенной снегом,
Прихожу я в ветшающий дом.
Покосилась немного ограда,
Цвет опавшей листвы потемнел,
Но ограда совсем не преграда
Для любых поэтических дел.
Ясным днём или в зябком тумане
Прохожу свой отрезок пути –
Злата-серебра нету в кармане,
Только крестик простой на груди.
Я – отшельник той вятской породы*

*И любому растеньицу рад...
Между мною и русской природой
Никаких не осталось преград.*

Стихотворение, очень характерное не только для стилевой манеры Чекалкина, но и для его лексики, поэтики, настроения, характера лирического героя. Выделим наиболее значимые образы первой половины текста: *простуженное небо, припорошенная снегом тропа, ветшающий дом, покосившаяся ограда, потемневшая листва...* В них, казалось бы, нет прямой оценочности, но тем не менее своей эмоциональной окраской они создают картину неблагополучия, общую атмосферу мира, в котором обитает лирический герой – отшельник, избегающий шумного общества, живущий в своём природном уединении. И потому заключительные строки выступают логичным и органичным завершением стихотворения: «Между мною и русской природой / Никаких не осталось преград». То есть речь идёт о естественном единении пустынноика с природой. Такое прочтение непротиворечиво и согласуется с текстом произведения. Но в то же время необходимо заметить, что слово «отшельник» в данном случае используется не столько в прямом своём значении, сколько в переносном: герой сопричастен «поэтическим делам», следовательно, затворничество его носит не религиозный, а творческий характер. Тогда получается, что та близость отшельника с окружающим миром, о которой мы только что говорили, механически переносится на героя-стихотворца? Да, только в этом случае заключительный смыслообраз обогащается дополнительной семантикой: речь идёт уже не только о метафорической сращенности человека и природы, но и о физическом уходе в неё. Таким образом, стихотворение обладает двумя смысловыми пластами: первый из них исходит из лирического сюжета и лежит на поверхности, а второй – подспудный, скрытый, и о его наличии можно догадаться, зная некоторые детали жизни автора. И характерность стихотворения, о которой мы говорили выше, выражается не только в поэтике, образном строе, умонастроении лирического героя, но и в смысловом богатстве его. Это тоже существенная черта поэта. Лишним подтверждением тому служит и первое стихотворение этого сборника:

*Серьёзный возраст накопил,
Трудясь, не празднуя,*

*Стихов немало наплодил
В разделе: Разное.
И разобрался, что к чему,
Поверил божьему,
Мне стало проще самому
Отринуть ложное.
Перед лицом былых потерь
И веря встречному,
Я отыскал простую дверь
С табличкой: Вечное.*

Стихотворение открывается творческим мотивом («Стихов немало наплодил...») и завершается строчками: «Я отыскал простую дверь / С табличкой: Вечное». Если, исходя из намеченной в начале темы, попытаться уяснить смысл заключительной фразы, то она должна быть следующей: моих стихов не коснётся забвение, они причислены к вечности. Но снова обратим внимание: из трёх строф поэтическая тема присутствует лишь в первой, и в интерпретации заключительных строк не обязательно исходить из неё, они могут иметь своё самостоятельное значение, а именно: пройдя до конца жизненную дорогу, я подошёл к двери, за которой царствует вечность. (Я полагаю, нет необходимости раскрывать буквальный смысл последнего метафорического слова, оно достаточно прозрачно.) Как видим, и здесь стихотворение может иметь двоякое прочтение.

Если вы уловили, дорогой читатель, то оба текста объединяет присущий им прощальный мотив, повторяющийся и в других произведениях: «Расставании», «Бессоннице», «Ночном саде», «К небесам», «Земное земному»... В русле сказанного, как нам представляется, следует воспринимать и следующие строки: «Сгорает дней моих остаток» («Иду огнём»), «Время моё истекло» («Тень скользит»), «Направляю свой путь в небеса» («Изнывая от зноя»)...

Прощальный мотив, в свою очередь, коррелирует с мотивом боли. «Боль» вообще выступает одним из наиболее частотных лексем книги, она порой даже выносится в заглавия отдельных произведений: «Синдром боли», «Философия боли». И это всё не случайно: поэт неоднократно оказывался на краю жизни, пережил клиническую смерть, перенёс восемь операций, в последней из которых, длившейся семь часов кряду, снова решался вопрос жизни и смерти. И потому с тех пор каждый день для него – как подарок.

Думаю, это нужно иметь в виду, чтобы правильно понимать смыслы и значения не только рассмотренных, но и других стихотворений.

Леонид Иванович – очень естественный, природный лирик («природный» – в значении «заложено природой, генетически свойственно»). В его поэзии всё органично: и лексика, и стилистика, и пейзаж, и строй души. Особенно радует язык произведений – лёгкий, ясный, пронизанный светом. Привлекает образность мышления, способность представлять привычные вещи в неожиданном ракурсе. Так, например, небесный свет «соскальзывает» с палитры заката и продолжает золотиться в прогалинах мглы, новая мысль не приходит на ум, а «нарождается» с еле слышимым стоном («Ниспосланный свет»), туман не просто случайное природное явление, он осознанно тщится напитать теплом весну («Новая листва»), лунный свет льётся с небес не бессмысленно, а тоже с вложенной целью – сочась сквозь ночную пелену, наполнять тишину печалью («Строй души»).

Лирический герой Чекалкина способен ощутить горечь от лопнувших почек («Новая листва»), он слышит мелодию снегов, летящие трогает струны («Пейзаж»), торопится проговорить слова признания в любви к людям («Зарево реки»), крылатой душе его доподлинно известно, что счастье на земле ещё возможно, если птицы приносят рассвет («Птичий рассвет»). Обычное состояние его – дарить свет души людям («Огни бессонниц»), сеять вокруг себя благодать («Потерять бы всю память»), брать на себя вековую вину («Тяжёлое небо»). Вообще мотив вины у поэта звучит довольно настойчиво: ещё в одном стихотворении он ощущает, как душа его полнится неведомой виной («Тень»), а в третьем убеждённо говорит о своей вине перед всеми («Я перед всеми виноват»). Герой ведёт свой разговор на такой доверительной ноте, что читатель нисколько не сомневается в искренности и чистосердечности его признания: «Пред вечностью душа моя чиста». Он прислушивается, чтобы услышать в себе голос неба («Замирает природа»), чувствует себя связующим звеном меж небом и землёю («В ночном»), осознаёт себя лирическим атлантом, которому суждено держать на своих плечах купол небосвода («По примеру атлантов»).

Лирический герой – поэт, и потому творческое начало занимает в его духовной жизни большое место. Он находится в состоянии постоянной жажды испытания слова («Потерять бы всю память»), учащённое сердцебиение и скрытые волнения помогают ему «ткать стихотворение» под приглядом звезды («Умаленья»), пробуждение

весны так воздействует на него, что в душе сама собой складывается строфа («Новая листва»). Герой ожидает, когда немой закат нашепчет ему подлинные поэтические строки («Сон на закате»), стихи ниспосылаются ему свыше («Намёк»), именно на чистой небесной странице для него оживает стих («Новая строка»), и потому вовсе не случайно, что в песне неба он улавливает и собственную строчку («В старом доме»). Вероятно, вследствие этого лирического субъекта порой берёт недоумение: почему это вымученному им слову не подчиняются Вечности законы («Новая листва»)?

Через образ автора к творчеству оказывается сопричастным и природный мир. Так, например, листья клёна не колышутся не из-за отсутствия ветра, а потому, что *утомлены поздней строкой* («Вечер покоя»), причиной шторма выступает не беспокойный ветер, а само море, *заигравшееся летящей строкой* («Изнывая от зноя»), и медленный снег сеет не абы чего ради, а для *продления творческих буден* («В виде паузы»). Небезынтересно заметить, что зачастую герой поэтическому ремеслу учится именно у природы: подслушивает музыку у певчих птиц, а слова заимствует у новых листьев и ручья («Новые песни»), нужный ритм задают ему морские волны, музыка осваивается на просторе, где живёт скопление рифм («Пела ночь»), он чувствует лирику в токе и шуме реки («Я жду весну»), строит строку из инея («Дыхание земли»)... И потому вполне естественно, что стихи его возвращаются туда, откуда они пришли к нему изначально: «Живут мои творенья / В краю дурманных трав» («Верить непреложно»). Вообще у лирического субъекта Чекалкина особые взаимоотношения с природой. В стихотворении «Бег времени» он признаётся: «А я пою с природой в унисон, / Сливаясь с нею каждой клеткой». И это «слияние», осознание себя живой частицей природы, определяет систему ценностей героя, для которого шелест любого листка оказывается проще и гениальнее слова («Не хватило мастерства»)...

Читать лирику Л.И. Чекалкина всегда приятно, даже упоительно. Она обладает очень редким, почти исключительным в современных условиях свойством – дарить радость и просветление. Стихи доставляют удовольствие своей чистотой, прозрачностью, лёгкостью, стройностью форм, метафорическим мышлением автора, его умением воспринимать мир образно, а затем представлять в преобразённом, более праздничном и насыщенном смыслом виде.

Приятного приобщения к миру поэта!

Пётр Чекалов

КАНАВЩИКОВ А.Б. УХОДИТ ЛЕТО В ОКТЯБРЕ : СТИХОТВОРЕНИЯ.
АНДРЕЙ КАНАВЩИКОВ / 101 ПОЭТ XXI ВЕКА. – М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО
«У НИКИТСКИХ ВОРОТ», 2021. – 132 с.

Метаморфозы лирического героя

Поэт Андрей Канавщиков принадлежит к той когорте русских поэтов, о которых хочется писать с ощущением чистоты и непредвзятости. Когда идея служения слову стоит выше всего другого, сразу желаешь впустить стихи такого поэта прямо в душу и оставить их там с сокровенными поэтическими залежами навсегда...

*Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал...*

П. Коган

Я с детства полюбил овал...

Н. Коржавин

*Плавность любая рвётся на клочья,
Острые грани лагерных лиц,
Колючее время, углы и заточки,
Объятия ежовых стальных рукавиц.
Колючее, колкое, словно словечко,
Время, как скомканный лист жестяной,
Словно постигли холодную вечность
За остроконечной железной горой.*

Вот начало стихотворения «Углы». В нём помимо энергетики есть и устремленность к самой сердцевине русской образности. Не случайно тексту предпосланы именно такие эпиграфы. Здесь не только продуманная оценка времени, но яркая семантическая подача. Здесь коренная связь со страдающим народом, связь, которая тянется через поэтические слова. Для Канавщикова слова – это не повод самовыразиться, это бесконечные сущности, которые он заполняет смыслами умело и с чувством меры.

Мера вообще важна для русского искусства. Оно не приемлет понятие нормы, а вот мера для него – духовный и эстетический камертон. По этому камертону настраивает Андрей Канавщиков свою книгу.

Сейчас иные поэты бегут от простого лирического чувства, чураются его, боясь прослыть старомодными. Они не понимают, что без негромкого лирического тона у русского поэта намечается невосполнимый смысловый изъян. Канавщиков – лирик непревзойденный. В его лирическом настроении гармонично переплетаются тоска и надежда, меланхолия и целомудренность:

*Прости, – слова, как миг в игре.
– Останься, – слово, как дыханье.
– Пиши, звони. – Исчезла тайна,
Уходит лето в октябре.
– Ты нужен мне, – мольба и вздох.
– Чему случиться – то и будет.
И время нас с тобой рассудит.
– Как ты желанен и жесток...*

Пантеистическое, глубинное понимание природы – одна из отличительных черт дара Андрея Канавщикова. Он не сюсюкает, не умиляется природой, для него важнее тот эмоциональный шлейф, который вызывается тем или иным природным событием, явлением. Для него принципиален именно взгляд, угол зрения, а не сам объект. Природа ценна, только когда оживает в воображении поэта:

*Тело не вечно, плоть – это глина,
Но в небе парящем, за маревом снов
С нами останется запах жасмина
Дыханием белых, живых лепестков.*

Книга «Уходит лето в октябре», без сомнения, очень личностная. Но поэт не бравировает лирической биографией, ему интересны тени, полутона, он исповедален по той причине, что нерв его образности оголён до предела, но при этом не болезнен, а целителен для читательских эмоций.

*Однажды, на исходе лета,
Звёзд развернулось полотно,
Душа гуляла до рассвета
С другой душою заодно.
Она торжественно летела,
Не тормозя на вираже,
Душа, ушедшая из тела,
Не насовсем, к другой душе.*

По этим строкам видно ко всему прочему, как прекрасно у Канавщикова, что называется, поставлена рука, с каким широким дыханием он трудится над залатыванием прохудившегося от энтропии пространства правильными словами в правильном порядке.

За каждой строкой этой книги вы разглядите человека. И всякий раз этот человек будет чуть-чуть другим. Неконечность лирического героя – черта для современной поэзии значительная, выдающая в авторе творца дерзкого и чутко слышащего пульс времени.

Местами лирический герой Канавщикова лиричен до чувственной прямоты, почти бесшабашен, в нём угадываются романтические черты и внимание к категории «особенного», иногда он выглядит умудрённым, метафорически законспирированным, избегающим готовых рецептов, но преклоняющимся перед анализом бытия как пространства бытования смыслов, где-то он сливается с природой, с пейзажем, но в этом единении он демонстрирует завидную наблюдательность, а случается, герой вполне обычный человек, вспоминающий своё детство, свои влюблённости, ищущий силу в устоях. Наблюдать за такими метаморфозами весьма увлекательно. А такая частая смена внутри одного целого придаёт книге избранных стихов общее горизонтальное развитие.

Не чужд Канавщикова и определенной словесной игры. При всей его заточенности на актуальное, он отрицает всё то, что современно,

но предало поэзию. Без тонкостей ему претит любая сложность мира. Наворочённость вместо сложности – это то, против чего борется искусство, и Канавщиков в этой борьбе на переднем краю:

*С музыкантом прощались на кладбище,
Не жалея ни водки, ни боли,
Птицы били по облачным клавишам,
Остроносые, словно бемоли.*

*Создавал композитор симфонии,
Но их выдавило стаккато
За звучащими дружно айфонами
Камертона могильной лопаты.*

Завершает книгу великолепная поэма «Хлебников». Этот текст синергирует тексты уже существующие – фрагменты дневников, писем, мемуаров с собственно авторским письмом. Получается зримая полифония, позволяющая не просто увидеть написанный Канавщиковым портрет Велимира Хлебникова, но сопоставить его со множеством зеркал, которые так щедро расставляют современники около гения.

Читатель этой книги получит такую порцию эстетического удовольствия, которой вполне достаточно для счастья.

Максим Замшев,
*Главный редактор «Литературной газеты»,
Председатель Правления МГО
Союза писателей России,
член Совета по правам человека
при Президенте РФ*

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

Антонина Белова	7
Вилен Иванов	10
Татьяна Летнева	12
Ольга Крюкова, Евгений Наумов	16
Данила Малицкий	18
Василий Мурзин	25
Сергей Черноглазкин	28

Проза

Карина Кокрэлл-Фере	33
Лариса Кравчук	40
Николай Низиенко	44
Василий Поляков	48
Александра Шёненбергер	50

Монологи

Михаил Чердынцев	55

Голоса

Ольга Чугай	71

Книжная полка

Пётр Чекалов. «Пред вечностью душа моя чиста...»	79
Андрей Канавщиков	85